

МИСТИКО-АСКЕТИЧЕСКИЙ РОМАН

Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом Ф. М. Достоевского. Два тома. СПб. 1881. С эпиграфом: "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". (Иоан. XII, 24.)

Текст статьи воспроизведен по изданию: Антонович М.А. Избранные статьи. Философия. Критика. Poleмика. - Л., 1938:

Всем, конечно, известны и всем, вероятно, даже надоели так часто повторявшиеся в реакционной квиетистической печати жалобы на литературную критику шестидесятых годов за то, что она будто бы губила литературные дарования, сбивала с толку, направляла на ложный путь и уродовала беллетристические таланты. Литературная критика добролюбовской школы, гласят эти жалобы, отрицая чистое искусство и игнорируя требования и условия художественности, ставила прежде всего и выше всего мысль художественного произведения и притом не идею в ее общем отвлеченном значении, независимо от времени и обстоятельств, а именно узкую, специальную мысль, имеющую прямое, непосредственное отношение к данному времени и данным местным обстоятельствам. Она напевала, твердила, внушала, даже повелительно требовала, чтобы словесные художники в своих произведениях непременно преследовали практические прикладные цели, занимались злобою дня, политическими и общественными вопросами и непременно с целью разрешения их в известном, определенном смысле, согласно с общим направлением автора и с стремлениями той школы или практической партии, к какой принадлежит автор. Она догматически провозглашала как непреложную истину, что искусство должно служить жизни, что искусство есть только особенная, более легкая форма для выражения того, что проповедует и распространяет публицистика. Художники, подчинившиеся влиянию этой школы, сами на себя накладывали путы: вместо того чтобы предоставить полный простор своему таланту, ничем не стеснять его полета, во время которого он мог бы собирать всевозможные материалы, руководясь единственно своим художественным инстинктом, они рабски держались узкой тенденции, смотрели на все сквозь призму ее и старались насильственно подгонять к ней свои повествования. Эта тенденциозность губила всякую художественность и создавала в беллетристических произведениях неестественность, деланность, вымученность. Эти произведения были побасенками, выдуманными для проведения тенденциозной морали.

Справедливы ли эти обвинения, или нет -- мы этого здесь разбирать не будем. Мы желаем только обратить внимание на тот факт, что тенденциозные художественные произведения существовали, существуют и будут существовать у нас и помимо влияния добролюбовской школы, что они вызываются не только влиянием критики, но еще и другими причинами, что тенденциозность встречается и у тех писателей, которые могут быть названы общепризнанными, патентованными художниками. Что такие произведения есть теперь -- доказательством может служить роман, разбор которого мы намерены заняться.

Достоевский принадлежит к числу тех наших, так сказать, дореформенных художников, на которых не имела никакого влияния критика добролюбовской школы. Талант Достоевского развился, окреп и установился еще до Добролюбова, и к критике последнего Достоевский всегда относился отрицательно. Да по своему огромному самомнению он и не способен был принимать к сведению замечания критики и пользоваться ее указаниями. Значит, критика шестидесятых годов нимало не повинна в тех фазах развития, через которые проходил талант Достоевского и характер его литературного творчества.

С самого начала Достоевский был истым художником, представителем искусства для искусства. В первых его произведениях до шестидесятых годов не было заметной тенденциозности. Правда, Добролюбов в большинстве типов, изображенных в этих произведениях, нашел общую мысль, общую всем им черту и всех их отнес к категории "забитых людей", у которых пострадало человеческое достоинство. Но эта мысль принадлежит самому Добролюбову, а не Достоевскому, который вовсе не задавался этой мыслью и брал для изображения типы, руководствуясь не какими-нибудь соображениями и целями, а художественным инстинктом или тактом, и он, вероятно, сам удивился, когда ему сказали, что его типы в большинстве принадлежат к категории забитых людей в смысле Добролюбова. Но чем дальше, тем произведения его становились все тенденциознее, и тенденция их направлялась в сторону "Русского вестника" до такой степени заметно и явственно, что другие журналы, печатая его произведения, конфузились, извинялись, делали оговорки. Наконец, последнее произведение его, которое мы имеем в